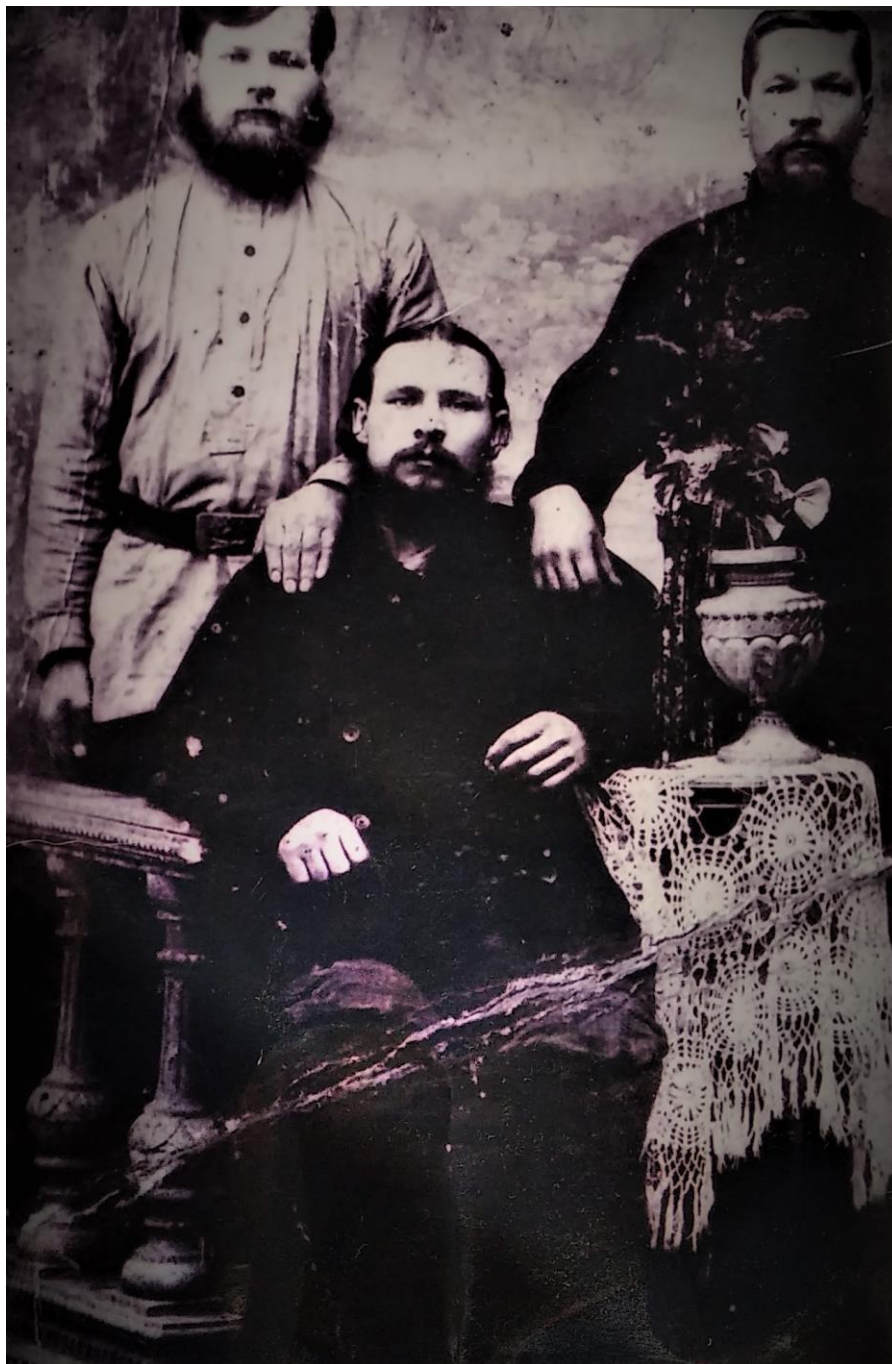

**МОЗОЛИСТАЯ ДЛАНЬ
Или В ТЕНИ СЕКРЕТНЫХ МЕМОРАНДУМОВ**

...Читая в архиве политрепрессий протоколы допросов «врагов народа», я прочитал однажды строки, от которых нехорошо стало на душе, сердце сжалось от неясного предчувствия какого-то страшно неприятного откровения. По делу попа Степана Гладышева чекисты «притянули» его родного брата Ивана Леонтьевича Гладышева, незадолго до событий перебравшегося из Быма в Пермь. Следователь упорно надеялся выжать из родственников компромат друг на друга.

Степан Леонтьевич Гладышев (сидит в центре)-фотография из архива Гладышева В.Ф.

-Да... брат есть, примерно 48 лет..., - давал показания священник. – Проживает он в Перми на Балашихе... Имел я с ним личную связь, бывал он у меня, и я у него, а теперь примерно года два связь с ним не поддерживаю...Связь он прервал, видимо, как со служителем культа... Боже мой, что за подлые времена были... Так натравливали друг на друга, брат на брата. Ведь это же мои родные деды, предтеча рода...

XXX

Отец Стефан, один из участников страшной «контрреволюционной повстанческой фашистской организации церковников», раскрытой доблестными органами НКВД в Кунгурском районе, жил в старинном селе Бым, что в переводе с татарского означает «яма». Село, в далеком прошлом демидовский медеплавильный завод, действительно расположилось в низине.

Бым лежит на пути в Белогорский монастырь, сюда теперь часто заходят паломники. В начале века среди села стоял памятник царю, бюст Александра-Освободителя, редкий случай по тем временам. И когда новая власть снесла памятник, среди жителей толковали это так: «Снова в рабство, знать, попадем». В Бымовском заводе было две церкви, в одной из них, единоверческой Петра и Павла, или нижней, как называли ее сельчане, и служил отец Стефан, в миру Степан Леонтьевич Гладышев. Был и псаломщиком, и дьяконом, затем был рукоположен в священнический сан.

На нем обрывается история местного прихода советских времен. Именно он, отец Стефан, в 1931-м году снова открыл сельский храм, к тому времени уже закрытый Советской властью. Дал ей, так сказать, последний бой, доказав, совсем по Библии: да, и один в поле воин. В это трудно поверить, но рыжебородому священнику удалось «распропагандировать» односельчан, они отозвали свои подписи обратно, и замок с церковных врат был сбит.

Церкви этой теперь в Быму нет, снесена. Народ здесь живет все больше новый, много приезжих. В 30-е годы, когда жить стало почти невмоготу, сельчане массами, семьями перебирались в город, кто куда. На окраине Перми в поселке Красный Октябрь появилась даже целая улица из бымовских, названная вскоре, словно в насмешку, Колхозной. Первая Колхозная, потом Вторая... От колхозного рабства многие бежали - и на Колхозную попали жизнь кончать. Прижились, впрочем, вновь обзавелись домами-огородами, поколение за поколением крепили трудовую славу близлежащего лесокombината «Красный Октябрь» да Дзержинского завода.

Что-что, а трудолюбия бымовским было не занимать. Это качество сохранилось в людях, не смотря на многие «чистки» и классовые прореживания.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Агент ОГПУ под кличкой «Перо» сообщал:

«Поп Бымовской церкви Гладышев 21 февраля (1932 г.) во время богослужения выступал с проповедью: «Миряне, давайте эти дни больше и пуще молиться, потому что скоро будет устроена Варфоломеевская ночь, придут злые люди - комсомольцы, и будут вырезать население...» (Из секретных меморандумов).

Сообщение этого ценного источника внесено уполномоченным Кунгурского райотдела ОГПУ Галуновым в месячный меморандум (так называлась в органах сводка данных) на Гладышева С.Л. 1882 года рождения. Здесь же протокол допроса свидетеля Гладышева Степана Никандровича председателя колхоза-завода, коммуниста и однофамильца обвиняемого. «...Действительно, в эту ночь в деревне была тишина, никого не видно, не слышно, некоторые сидели на запорах...Поп Гладышев принимал покаяние. У одной гражданки спросил, если она употребляет конину, то должна в целях покаяния сделать 500 поклонов, иначе не даст причастия...» Страсти накалялись, село, уже несколько лет не знавшее спокойной жизни из-за раскулачивания, вновь гудело, как растревоженный улей, на этот раз из-за церковного вопроса. Когда закрывали «церкву», отца Степана в Быму не было (ездил в Пермь, хотел устроиться где-то на производство, потому как прокормить семью становилось все труднее). Местные активисты воспользовались его отсутствием, провели свою атаку на население, и довольно успешную: подписку на закрытие храма дали 68 процентов жителей! А тут приехал этот

яростный поп - и все испортил. Как показал председатель сельсовета В.Ф.Кузнецов, «Гладышев провел молебствие, совет, после чего те лица, которые дали подписку о закрытии, на общем собрании отказались от закрытия(!). Другими словами, сорвал работу...» (Из секретного меморандума ОГПУ).

Варфоломеевская ночь, которую предрекал настоятель храма (пусть и не в том выражении, которое донесло угодливое и малограмотное «Перо»), была отодвинута на более позднее время. А вот нажим на верующих, о котором прослышал отец Степан, начался жесткий.

Забрали и его самого. Правда, в тот раз священника выпустили. Кому-то сегодня это может показаться странным и даже подозрительным, не правда ли? Вот и мне тоже.

В ПОИСКАХ СВИДЕТЕЛЯ

Мягкость наказания объяснил мне один старожил, которого я с трудом отыскал в селе. Искал-то, собственно, следы свидетеля Охахлиной, помогавшей отцу Степану и, как сообщал уполномоченный ОГПУ, скрывшейся из села. На самом деле свидетельница никуда не сбегала, а тоже искала приработок. Муж Надежды Александровны Васильевой (в девичестве Охахлиной, она «сродственница» той свидетельницы) Александр Яковлевич, хорошо помнил отца Стефана и охотно, почти обрадованно вспоминает о нем (в отличие от жены, которая молчала, словно дав какой-то зарок или подписку).

-Это был поп-работяга, - рассказывал дядя Саша. - И на пахоте, и на лесопилке Степан работал. Смотришь: утром ранешенько в церкву идет, и поздно вечером тамо служит. Детей моих крестил. Даже когда уже запрещали крестить, я отцу Степану в ноги упал - он и согласился тогда, у меня на дому прямо, в комнате и окрестил. Спились только потом сыны-те, не вышло толку без Бога-то жить.

Хлопотавшая по хозяйству жена дяди Саши прислушивалась к его «болтовне» и раз все же вставила словечко:

-Я в верхнюю церковь ходила, там пели лучше, и звон колокольный красивый такой... Дедушка звонил там - как на пианино!

-Отца Стефана-то несколько раз садили, - снова берет беседу в свои руки дядя Саша. - Его посадят - он отречется от всего, вот и выходит на волюшку. А там опять за свое втихаря. А как скроешь-то? Шпионов у нас немало было, одна Клещиха чего стоит (советская активистка-В.Г.). Но та идейная была, она плохо кончила, за свои гонения на религию. Ну, батюшку опять посадят. Последний раз уж не вернулся, услали его далеко, там и сгинул.

Странно было в родном селе отца Стефана слышать про него самые невероятные легенды, слухи, домыслы. Объяснить это можно отчасти все тем же: народ здесь сильно переменялся, старожилы остались не много - раз-два и обчелся. Про конец его жизни мне рассказать никто не мог; одна из старушек сообщила, правда, что священника застрелили при попытке к бегству на кунгурском мосту...

Не все из устных свидетельств подтверждается, но вот что касается версии дяди Саши насчет того, почему батюшку отпускали из тюрьмы, -это, представьте себе, нашло подтверждение в материалах следственного дела, хранящегося в госархиве политрепрессий! Священника вербовали в «стукачи».

«...Он, будучи дал обязательство (так в тексте. - В. Г.) РО ОГПУ об информации (в 1931 году), задания не выполнял, проявив сознательно контрреволюционный саботаж, заявив, что он морально был разложен, вследствие его раскулачивания в 1930 году, поэтому делать не мог, другими словами - не выполнял в силу враждебного настроения».

И в заключение уполномоченный написал следующее:

«Виновным себя не признал, за исключением по вопросу информации, в этой области берет вину на себя. 26 июня 1932 г. Галунов. Заключение утвердил начальник РО ОГПУ Фокин».

Ясно, что священник обманывал органы, ваньку ломал, как говорят в его селе, хотя и понимал, что играет с огнем. Как он сам поясняет: «Это обязательство (доносить. В. Г.) вылетало из головы...»

Что же получается? Где надо, для пользы дела, отец Стефан мог и схитрить. «Гнется, да не ломается». Впрочем, в иных случаях батюшка бывал и непреклонен. Так, он близко не подпускал к дому старообрядцев. Как рассказала дочь батюшки, «папка шибко ругал тетку нашу за то, что им шла замуж за старовера». После общего застолья-знакомства всех гостей даже «перекрещивали». Так-то вот...

Дочерей священника я разыскал в Перми, на самой окраине. Две старушки доживали свой век по соседству в деревянных домишках. Когда-то давно все разъехались-разбежались из родного села, спрятались кто как мог. Один из сыновей священника оказался аж на юге, в Крыму, где и умер. А две «поповны» живут на Гайве, напуганные на всю жизнь...

Одна из них, та, что помоложе, Елизавета Степановна, вспоминает:

- Нас так жали из-за происхождения-то, что спасу не было, поэтому и уехали все кто куда. «Поповичами» дразнили, имени путевого не было, в общем. Мы даже детям своим не говорили, кто у них был дед, боялись все.

Из 16 детей нас восемь выжило. Ой, какие угнетенные мы люди!.. Выжили вот горе мыкать. Один братишка родился больным, ноги не ходили, так его на Белую гору носили — помогло, начал ходить, но пожил все равно недолго. Когда отца нашего забрали, у Санечки припадки начались... А Афоню мама в поле родила, на работах. Тятя пуще всех любил его. Я его вынянчила, Афоню нашего ненаглядного. Играли с ним, помню, и попом наряжали, и всяко. А папка-то придет, «смотрите, говорит, девки, не потеряйте мне мальчика»...

Его забрали, когда церковь закрыли (уже второй раз). Вернулись с поля, в лапоточках. Его повели уж под конвоем. Я побежала за ним. Вцепилась, реву...А его подтыкают винтовкой конвоиры, все наши стоят рядом, у ложка. Когда бортовая машина, в которой папу увозили, поднялась в гору-то, он только и крикнул: «Анфисья! Анфисья!...» Сестра Анфисья несла Володю, самого младшенького. И рукой махнул - и все.

Писем от него не было. Одно, правда, пришло, на мое имя. Я и писала ему, в лагерь-то. Мама наша, Мария Михайловна, просила: «Давай, Лизонька, весточку пошлем...»

Как нас из дому выгоняли - страх божий! Все забирали: книги, корову, лошадь...Маму под скамью запинали, чтобы не мешала. Меня дак в окно выбросили, прямо в снег. Это неместные были...А местные церковь зорили зато. Они и прожили все недолго, - знать, Бог наказал.

Я часто думаю: отчего столько горя человеку выпадает? И наши судьбы ведь не сложились... Детство было взъерошенное такое, сколько голодов перенесли, и чем еще жив человек, кажется.

Иконы прятали сколь раз, спрячем - потом опять вырываем из земли, из потайного места. Хлеб все тоже искали у нас. Отцу ведь не раз говорили добрые люди: уезжай, мол, хороший мужик, а пропадешь ни за грош.

«А семью-то на кого оставлю?» - отвечал он.

И остались мы одни-одинешеньки. Сызмала работали в поле, на косьбе, зароды уминали, хлеб жали. Вместо Ф30 меня на шахту отправили, девчоночку, после на вредном производстве опять робила. Ой, как досталось, за что только - не знаю... В лагере отец недолго пожил. Земляк рассказывал: работать их гоняли в лес, вечером в зону вернулись, папа заболел, А утром уже холодный. Катанки (валенки) передал земляк отцовские, красивые такие, расшитые. Последний его привет...

Да, много же вынесли поповичи в земной юдоли.... Но у каждого появились свои семьи, детей подняли, хорошими людьми вырастали. Вот только фотографии своего отца не сохранили.

НЕИСТРЕБИМЫЙ ПОП

Слушая родственников отца Стефана, его бывших земляков, я все больше убеждался в том, насколько жизнестойкая эта порода, и как помогала ему духовная твердость держать удары судьбы. Поистине - «неистребимый поп», словно вставший со страниц произведений Лескова.

Примечательна одна фраза из показаний его однофамильца-председателя колхоза:

«Могу констатировать, что единоличники дают Гладышеву материальную помощь. К примеру: у него отбирали хлеб, но у него всегда и все есть».

Вот поди ж ты: у человека все отбирают, а он чем-то жив, как так?!

Из других свидетельских показаний: «...Среди верующих пользуется авторитетом, надо сказать... Имеет хорошую связь с крепкими середняками, фанатиками и с так называемой общиной, «десяткой», которые активно тормозят все кампании. Помогали Гладышеву кто чем мог...»

«...Проводил так называемые трудники, на которые ходили странник Ляпин, Минаева, она беднячка, но антисоветски настроенная (срывала хлебозаготовки, ссыпку семян)...»

Это что-то новенькое: как будто среди бымовских жителей расслоение прошло не по классовому признаку, а прежде всего по религиозному. И даже больше того: по человеческим качествам, по вечным библейским ценностям. Хотя в агентурных делах охраны отца Стефана упорно числят за «кулака»:

«Происходит из кулацкой семьи. До революции сам лично имел два больших дома с надворными постройками, земли тридцать десятин, держал порядочное количество скота... Содержал одного постоянного батрака до 1929 года...»

Станный, надо отметить, был батрак: когда батюшку раскулачили, то уже батрак помогал ему, поддерживал чем мог... И это в то время, когда кругом началась сушая истерия: «Истребим как класс!»

-Такая ненависть пошла страшно вспоминать, — сказала мне одна из немногих старожилок, помнящих довоенный Бым.

На многое проливает свет документ из фондов областного архива: прошение отца Стефана, поданное им в Пермское епархиальное управление в марте 1923 года. Он просит уволить его с занимаемой должности диакона на псаломщицкой вакансии (за штат). Причины?

«Жил я своим личным трудом, обрабатывал землю, тем и кормился. В настоящее время, при создавшемся взгляде на духовенство, землю от меня отбирают и прямой источник содержания у меня отпадает. При многочисленности моего семейства (8 человек) приход не в силах содержать меня на свой счет и мне существовать очень трудно, да как лицу духовного звания приходится платить разные побочные взносы (за патент, общегражданские и свои общественные)...»

В том же месяце просьба его была удовлетворена, с тем чтобы, состоя за штатом, службу он совершал по праздникам, а остальное время мог «свободно употребить на приискание средств содержания себя и своего семейства».

Теперь понятно, почему одной из бымовских старушек, тете Дусе, так она представилась, более всего запомнилось из детства, как она ходила на причастие к отцу Стефану. Тетя Дуся даже всплакнула, вспоминая прошлое, а при прощании спросила: «Счас церкви снова открывают, да, знать, ненадолго?»

Что можно ей ответить?

Матушка Мария, жена отца Стефана (скончалась в 1969 году), получала пенсию от епархии, в последние годы сумма ее составляла, по воспоминаниям родственников, 22 рубля 50 копеек. Ничего не нажил батюшка, никакого наследства не оставил. При обыске (произошло это 6 августа 1937 года) у него было изъято: религиозных книг 86 штук, скуфья, утварь. Как сообщил

нам в свое время отец Герман Бирилов, секретарь Пермского епархиального управления, ныне покойный, одна книга, по которой служил отец Стефан (требник), чудом сохранилась...

Когда читаешь пожелтевшие листы дела, то невольно возникает ощущение, что этот рыжебородый сельский священник в печенках сидел у властей, у следователей ежовско-сталинской закалки. Почему, видно, и оставили его приговор в силе (выделив в особое производство по статье 58-10 и передопросив свидетелей). А шел уже 1955 год... И свидетели «подтвердили, что Гладышев действительно вел в 1936 году антисоветские разговоры среди жителей Быма, проводил агитацию, направленную на подрыв колхозного строя...»

Итак, «оставить в силе». «Согласен» — и подпись начальника УКГБ полковника Малютина. Отца Стефана, напомним, к этому моменту нет в живых уже 17 лет. Полностью священник-антисоветчик реабилитирован только в 1990-е годы...

Тогда же комиссия установила, что все дело «контрреволюционной фашистской повстанческой организации церковников», из которого «выделили» С. Л. Гладышева, было сфабриковано. Как показали свидетели, к ним применялись незаконные методы следствия. В частности, к жителю села Калинино М. И. Харитонову: «...Угрожали оружием, допрашивали в холодной комнате с открытым окном (Кунгурского РО НКВД. В. Г.), в силу этого один из протоколов мной был подписан, но что в нем было записано, мне не зачитывали...»

... В селе восстановили недавно верхний храм, Александра Невского. Народ здесь живет все больше новый, много приезжих. Сегодня «непокорного попа» Стефана Гладышева вспоминают редко. Некому уж вспоминать. К истории села здесь вообще отношение несколько отстраненное, если судить по разваленному памятнику героям гражданской войны, что стоит на высокой горе, и по заросшему бурьяном обелиску участникам Великой Отечественной, под горой, в самом центре села. На обелиске несколько раз встречается фамилия «Гладышев». А чаще всего отца Стефана поминают в Белогорском монастыре, где за упокой его души ставят свечки, да помнят старушки внуки и правнуки, для которых он был просто отцом, родным человеком...

Во время одного из приездов на Белую гору настоятель монастыря подозвал меня и многозначительно сказал: «Появилась у нас книга богослужебная, принадлежавшая твоему деду, есть там его подпись, Стефана Гладышева. Загляни, посмотришь...»

Владимир Гладышев

К снимку:

На единственной сохранившейся фотографии 1920-х лет: отец Стефан Гладышев (в центре) с односельчанами.